

Седьмой двоюродный дедушка Хань Дуя как-то говаривал: «В картах хуже всего — сдать самому себе дрянь. Придет тройка, четверка, пятерка, а следом — семерка, восьмерка да девятка. Ни пары собрать, ни в ряд выстроить. Одну карту скинешь — и сидишь с ворохом бесполезного мусора. Ну и каково оно, спрашивается?»

Хань Дуй быстро понял, что после переселения душ ему достался на редкость паршивый расклад. Семья перекроена заново, родители — сущие паразиты, а у остальных родственников явно не все дома. Кому угодно жизнь медом не покажется.

Всего несколько часов назад он очутился в чужом теле. Еще вчера он был беспечным представителем золотой молодежи, а теперь превратился в Хань Дуя — нищего крестьянина уезда Цинъянь образца тысяча девятьсот семидесятого года.

Лежа на жесткой кровати, парень первым делом предался воспоминаниям о своей пусть и короткой, но ослепительно яркой прошлой жизни.

При рождении его называли Хан Жуем, что означало «острый». Но в день регистрации хмельной писарь в сельсовете допустил досадную ошибку, пропустив пару черт в иероглифе, и Жуй превратился в Дуя. А иероглиф «Дуй» по звучанию и смыслу точь-в-точь походил на местное словечко «затыкать рты». С тех пор вся его жизнь превратилась в нескончаемую череду колких пикировок.

Острый язык у него прорезался едва ли не раньше первых зубов. Он виртуозно язвил родителям, допекал родственников и ставил в тупик учителей. Главное, крыть его аргументы было нечем — он всегда бил не в бровь, а в глаз.

Помрачневшие от взаимных упреков родители часто устраивали громкие скандалы в гостиной. Оба с пеной у рта доказывали, что были абсолютно слепы, когда соглашались на брак.

Маленький Хань Дуй в это время увлеченно катал по ковру пластиковый экскаватор и меланхолично замечал:

— М-да, теперь понятно, в кого у меня такое паршивое зрение. Наследственность — страшная сила. Был бы я зрячим, разве выбрал бы вашу семейку?

Ссора мгновенно затихала. Родители дружно хватались за тапки, намереваясь устроить сыну образцово-показательную порку, но мелкий паршивец, несмотря на короткие ноги, соображал быстрее. Оставив свой пластмассовый транспорт, он испарялся из комнаты в мгновение ока.

Как-то раз один излишне любопытный родственник решил позубоскалить и пристал к нему с извечным глупым вопросом: «Кого ты больше любишь — маму или папу? А если они разведутся, с кем останешься?»

Малыш Хань Дуй поднял на него невинные глаза и с глубоким вздохом ответил:

— Ох, и не говорите, сплошная головная боль. Родители ведь оба родные, как тут выберешь? Как же я вам завидую! Вам-то точно не придется мучиться таким выбором.

Именно про этого родственника в семейном кругу шептались, что его мать нагуляла ребенка на стороне, и к законному отцу он не имеет никакого отношения.

Ткнув пальцем в небо, шутник умудрился наступить на собственную болезненную мозоль и ретировался с багровым от стыда лицом. Позже, когда другие родственники пытались его журить, Хань Дуй лишь обезоруживающе улыбался:

— Отныне каждый, кто задаст мне подобный вопрос, удостоится моей искренней зависти.

Все мы люди грешные, у каждого свой скелет в шкафу. Коли ко мне с добром — и я не обижу, но если решите мне жизнь отравить, то задохнетесь первыми. Родня переглядывалась, не зная, что ответить, но урок усвоила раз и навсегда. С тех пор при встрече с Хань Дуйем их рты словно патокой мазали — говорили исключительно приятные вещи.

Тот лишь благодушно принимал лесть. Он пришел к выводу, что многие взрослые, по всей видимости, прогуляли детский сад и так и не научились элементарным правилам приличия. Как почетный выпускник дошкольного учреждения, он считал своим священным долгом наставить их на путь истинный. И после каждого такого «урока вежливости» ему казалось, что его воображаемый пионерский галстук сияет еще ярче.

Возмужав, Хань Дуй прочитал горы книг и исходил тысячи дорог. Его ораторское искусство достигло таких высот, что в определенных кругах его уважительно прозвали Хань Дуйдуй. К счастью, завидное личное обаяние и солидный капитал его влиятельной семьи надежно оберегали его от перспективы получить в темном переулке мешком по голове.

До двадцати восьми лет его жизнь катилась по маслу. Любая сделка приносила миллионы, дорогие спорткары приелись, а любовные интрижки навевали лишь скуку. В какой-то момент он осознал, что перед ним больше нет достойных вызовов. Пресытившись однообразными буднями богача, он решил выйти из зоны комфорта и наконец отыскать истинный смысл бытия.

Выбор пал на благотворительную программу по борьбе с бедностью в глухих провинциях. Отправившись в богом забытую горную глухомань, он быстро вывел для себя формулу: если богатые несчастны одинаково, то бедные выживают каждый по-своему. Там он воочию столкнулся с невероятным разнообразием человеческих характеров, знатно расширил кругозор и нахватался местных сочных ругательств и присказок, изрядно пополнив свой арсенал словесного оружия. Прочувствовав до глубины души всю тяжесть крестьянского быта, он наконец избавился от грызущей экзистенциальной тоски. Жизнь заиграла новыми красками: теперь он засыпал едва коснувшись подушки, а аппетиту его мог позавидовать любой здоровый мужик.

Прозрев, он взялся за дело с утроенной силой. Благодаря солидным связям, нестандартному подходу и, прямо скажем, весьма дерзким методам, дела в округе быстро пошли на лад. Журналисты слетелись на него как мухи на мед, наперебой требуя интервью. Самому Хань Дую дешевая слава была безразлична, но он решил использовать шумиху, чтобы привлечь инвесторов и превратить глухой край в туристическую зону. Однако накануне пресс-конференции в горах случился оползень. Смытый бушующим потоком, он очнулся уже здесь: провинция Шаньнань, город Шаньхэ, уезд Цинъянь, коммуна Хунвэй, великая бригада Хунсин, восьмой отряд, деревня Ханьли.

Парень, в чье тело он угодил, тоже звался Хань Дуем, а домашние ласково величали его Сяо Жуем. Восемнадцатилетний вчерашний школьник оказался младшим, шестым ребенком в семье. Четверо старших братьев и сестер родились от первого брака его отца, Хань Дахуа, а вот старшую сестру-близняшку Хань Чжу родила уже нынешняя хозяйка дома.

С трудом переварив обрывочные воспоминания прежнего владельца тела, Хань Дуй принялся трезво оценивать обстановку. Первым пунктом шел исторический фон: на дворе стоял тысяча девятьсот семьдесят третий год — эпоха, прямо скажем, суровая и не слишком приглядная.

К счастью, врожденный оптимизм не позволил ему пасть духом.

«Что ж, время великих дебатов и жарких политических споров. Для профессионального полемиста вроде меня — самое то. Работа строго по специальности»

Семейные узы оставляли желать лучшего: вечная грызня, склоки и крики. Вдобавок в комплекте шли деспотичная бабка и дремучий, упрямый отец — классический набор любого попаданца. Ладно, с этим разберемся позже.

Куда хуже обстояли дела снаружи. Нищая деревня, озлобленные соседи, а местный бригадир — давний заклятый враг всего клана Хань. Экзамены в университеты отменили, на государственную службу пробиться невозможно, о переезде в город нечего и мечтать. Неудивительно, что прежний Хань Дуй пребывал в глубочайшем унынии.

Оценив убранство своего нового жилища, Хань Дуй поразился его экологичности. Мазанка из необожженной глины, подпираемая шаткими бревнами, могла похвастаться отменной вентиляцией. Помимо единственного оконца, свежий воздух беспрепятственно проникал сквозь многочисленные щели в стенах, овеивая тело прохладным сквозняком и моментально проясняя мысли.

«Замечательный дом. Никакой вредной химии от евроремота, да и простудиться под кондиционером теперь точно не грозит»

Нищета и разруха вокруг буквально кричали о том, что его навыки кризис-менеджера здесь придется как нельзя кстати. Борьба с бедностью сама постучалась к нему в двери.

Понятно, почему прежний хозяин тела впал в такое отчаяние: старт выдался хуже не придумаешь. Но Хань Дуй, будучи мастером психологической самопомощи, тут же нашел плюсы.

«Как пишут в умных книжках, все к лучшему. Чем ниже упал, тем выше взлетишь. По крайней мере, теперь есть к чему стремиться, не то что в прошлый раз, когда я родился на самом финише и не знал, куда девать деньги. Избавление от экзистенциального кризиса гарантировано»

Пока он предавался философии, снаружи раздался мягкий девичий голос:

— Сяо Жуй, ты проснулся? Я лапши сварила, вставай, поешь горяченького.

Звала его Хань Мэй — сводная старшая сестра. Именно она вырастила Сяо Жуя и его близняшку Хань Чжу, так что привязанность между ними была искренней и глубокой. К слову сказать, нынешнее переселение душ случилось как раз из-за нее.

Семья Хань вознамерилась выдать Мэйцзы замуж по так называемому обмену — чтобы сосватать невесту для старшего брата, Хань Гана. Вот только жених, которого сосватали самой Хань Мэй, мало того что годился ей в отцы, так еще и был калекой с явной задержкой в развитии.

Девушка, естественно, упиралась руками и ногами. Прежний Хань Дуй единственный в семье горой встал за сестру, но остальные родственники и слушать его не желали. Младший в доме, безработный вчерашний школьник — его голос ничего не значил для упрямой родни. Столкнувшись с дремучими деревенскими обычаями и глухой стеной непонимания, да еще и потеряв обещанное место на фабрике, которое бригадир благополучно пристроил для своего племянника, парень просто слег в лихорадке.

«Похоже, бедняга не выдержал удара судьбы. Интересно, его душа теперь в моем прежнем теле? Выходит, мы устроили межпространственный выпуск реалити-шоу «Обмен телами»?»

Отгнав лишние мысли, он сделал мысленную пометку разобраться с обнаглевшим бригадиром и его племянником позже. Сейчас следовало разобраться с насущными проблемами. Откашлявшись, он отозвался:

— Проснулся я, сестрица, иду!

Спустя минуту в комнату осторожно вошла Хань Мэй, неся в руках глубокую глиняную миску с горячей лапшой. На вид ей было года двадцать два. Крепкая, румяная от постоянного загара, с двумя толстыми черными косами, уложенными на плечах, она светила той простой, искренней красотой, какую часто встретишь у деревенских девушек. Одета она была скромно: в поношенную кофту в цветочек и просторные синие шаровары из грубой дмотканой материи.

Поставив миску на колченогий столик у кровати, девушка приложила ладонь к его лбу и облегченно вздохнула:

— Слава богу, жар спал. Ну и напугал ты меня, глупый! Из-за чего так изводиться-то было? Беречь себя надо. Давай, ешь, пока горячее, я тебе туда еще и яичко сварила.

Желудок Хань Дуя тут же отозвался требовательным урчанием. Он взял миску и, прихлебывая наваристый бульон, как бы невзначай спросил:

— Спасибо, Мэйцзы. Скажи, пока я валялся без памяти, дома ничего нового не стряслось?

На лицо девушки набежала тень, взгляд стал безразличным и покорным. Тихо вздохнув, она опустила глаза:

— Да все по-прежнему, Сяо Жуй. Знаешь... я тут подумала и решила согласиться. Бабушка права: с калеки вроде нашего старшего брата спрос невелик, без обмена ему жену вовек не сыскать. Не могу же я допустить, чтобы он до старости бобылем куковал. Да и нормальная семья на такой союз не пойдет, так что мне все равно светит только кто-то вроде Лю Дацзюня. Видно, судьба у меня такая. Смириться надо, не злись больше.

Хань Дуй едва не поперхнулся лапшой. Аппетит испарился в ту же секунду. С самых малых лет он терпеть не мог несправедливости, а уж когда сталкивался с откровенным абсурдом, его так и подмывало высказать все в лицо. Слушать покорные речи сестры, идущие на поводу у маразматичных бредней бабки, было выше его сил.

Он решительно отставил миску, собираясь выдать пламенную тираду, но договорить не успел — со двора долетел зычный, бесцеремонный ор. Память тела подсказала: орал не кто иной, как старший братец, Хань Ган.

— Тётушка Сян! — гремел детина за окном. — Я тут рыбину выудил, свари малому ухи. Пусть харю наедает да скорее в поле возвращается, хватит бока пролеживать. И передай ему, чтоб нос не в свое дело не совал! Сдалась ему эта Мэйцзы? Или он ее для собственного обмена приберечь решил, когда вырастет?

Тут же раздался визгливый голос родной матери Хань Дуя, Чэнь Юэсян:

— Ты рот-то прикуси, Ганцзы! Тоже мне, выдумщик выискался. Сяо Жуй за сестру заступает, потому что она его вынянчила. Он парень чуткий, не то что некоторые. Ему всего восемнадцать, он школу окончил, грамотный, да и собой хорош — девки за ним бегали только так. Ему, чтобы жениться, никакие сестры на обмен не понадобятся!

— Да мне плевать, чего вы там думаете, тётушка! — огрызнулся Хань Ган. — Я скажу один раз: мне уже под тридцать, у моих ровесников дети в школу ходят, а я всё один как сыч кукую! Кто

у меня поперек дороги встанет — пришибу на месте, так и знайте!

— Окстись, ирод! — взвизгнула Чэнь Юэсян. — Сяо Жуй тебе не чужой человек, а родной брат! Сказал тебе пару слов поперек, а ты его в кровные враги записал? Еще и мне тут угрожать вздумал! Вот вернется отец с поля, я ему все припомню, слово в слово!

— Да жалуйтесь кому хотите, отец на моей стороне! — отмахнулся Ганцзы.

Перепалка грозила затянуться, но из соседней комнаты донесся звонкий девичий голос близняшки Хань Чжу:

— Мам, ну чего ты перед ним распинаешься? Мы же договаривались: не наше дело, вот и нечего лезть.

Услышав дочь, Чэнь Юэсян недовольно фыркнула, но все же замолчала и ушла в дом.

Хань Дуй допил остывающий бульон одним махом, утер рот рукавом и поднялся на ноги. Пора было поставить этого обнаглевшего эгоиста на место. Надо же быть такой наглой, трусливой скотиной: сам бабу найти не может, а расплачиваться за его мужское бессилие должна младшая сестра! Нет уж, Хань Дуйдуй вышел на тропу войны.

У него, великого мастера словесных баталий, на этот счет имелась любимая поговорка: «Коли бог дал тебе язык, а ты молчишь, когда творится несправедливость, — отрежь его напрочь и выброси собакам».

И парень уверенным шагом направился к двери.

<http://bllate.org/book/19655/1943734>